

Сельские территории Волгоградской области: проблемы демографического развития (последняя треть XX — начало XXI вв.)

*Сергей Яковлевич Суцкий*¹

¹ Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор философских наук, главный научный сотрудник

ORCID: 0000-0001-5131-3988. E-mail: SS7707@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — анализ геодемографической динамики населения сельских районов Волгоградской области в последней трети XX — начале XXI вв., фиксация территорий и ареалов глубокой депопуляции, постепенно формирующихся в качестве зон хронической социально-экономической стагнации, зонирование сельского пространства региона в зависимости от темпов и направления демографической динамики. Результаты. Проблемы современной демографии региона уходят корнями в 1950–1960-е гг. В последние десятилетия советского периода в результате активного оттока в города ежегодные демографические потери сельской местности составляли 5–9 тыс. человек. Данный устойчивый депопуляционный тренд прервался только в первой половине — середине 1990-х гг., в годы масштабного притока переселенцев, последовавшего вслед за распадом СССР. Данное миграционное пополнение сумело с избытком восполнить начавшуюся в постсоветский период естественную убыль сельского населения области. Но уже к началу 2000-х гг. депопуляция сельских территорий возобновилась, и с этого времени демонстрирует нарастающие темпы за исключением ряда лет (2008–2012 гг.), на протяжении которых демографическая динамика положительно реагировала на комплекс мер, предпринятых федеральным центром по повышению репродуктивной активности населения и снижению его смертности. Ресурс данных социальных программ был исчерпан в середине 2010-х гг. Быстрое сокращение массива женщин детородного возраста в последние годы привело к новому ускорению естественной убыли сельского населения региона, с которой по-прежнему совмещен устойчивый миграционный отток из сельских поселений в города.

Как результат, в пределах сельской местности области фиксируется обширная зона масштабной, устойчивой депопуляции (северо-запад и центр), включающая территории, потерявшие за последние полвека до 30-40% своего населения и продолжающие интенсивно его терять в настоящее время (более 1% ежегодно). Значительная часть остальных сельских районов региона также характеризуется устойчивой депопуляцией, размеры которой, однако, несколько ниже и не чреватые социальной деградацией местных территориальных сообществ уже в среднесрочной перспективе. Демографически устойчивым является положение только небольшого ряда районов, прилегающих к областной столичной агломерации. Данные территории составляют ограниченный ареал, характеризующийся сохранением или даже определенным ростом численности сельского населения прежде всего за счет миграционного притока. Все три выделенных зоны являются достаточно устойчивыми по основным факторам своей демографической динамики (параметрам естественного воспроизводства, направлениям и масштабам миграционной активности). И потому дальнейшая неизбежная депопуляция сельских территорий области будет совмещаться с нарастающей демографической поляризацией пространства региона, концентрацией сельского населения в небольшом числе южных районов и постепенным социодемографическим опустыниванием остальных субрегионов.

Ключевые слова: Волгоградская область, сельские территории, численность населения, демографическая динамика, естественная убыль, миграционная активность

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН на 2019 г., проект «Конкурентное, устойчивое и сбалансированное развитие южного макрорегиона: векторы социально-экономической модернизации и демографической динамики», № государственной регистрации проекта АААА-А19-119011190184-2.

Для цитирования: Суцкий С.Я. Сельские территории Волгоградской области: проблемы демографического развития (последняя треть XX — начало XXI вв.). Село России. 2019; (2): 5-28. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-5-28.

Rural Territories of the Volgograd Region: Problems of Demographic Development (last third of the XX - early XXI cc.)

*Sergey Ya. Sushchiy*¹

¹ Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (41, Chekhova Pr., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Chief Researcher

ORCID:0000-0001-5131-3988 E-mail: SS7707@mail.ru.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the geodemographic dynamics of the population of rural areas of the Volgograd region in the last third of the XX – beginning of the XXI centuries, fixation of territories and areas of deep depopulation gradually forming as zones of chronic social and economic stagnation, zoning of rural space of the region depending on the pace and direction of demographic dynamics. Results. The problems of the modern demography of the region have their roots in the 1950s and 1960s. In the last decades of the Soviet period, as a result of the active outflow to the cities, the annual demographic losses of rural areas amounted to 5-9 thousand people. This steady depopulation trend was interrupted only in the first half - mid-1990s, during the years of a large-scale influx of immigrants that followed the collapse of the USSR. This migration replenishment was able to compensate for the natural decline of rural population in the region, which began in the post-Soviet period. But by the early 2000s depopulation of rural areas had already resumed, and since then it has been showing an increasing rate, except for a number of years (2008-2012), during which demographic dynamics responded positively to the complex of measures taken by the federal center to increase the reproductive activity of the population and reduce its mortality. The resource of these social programmes was exhausted in the mid-2010s. The rapid decline in the array of women of childbearing age in recent years has led to a new acceleration in the natural decline of the rural population of the region, which is still combined with a steady migration outflow from rural settlements to cities. As a result, a vast area of large-scale, steady depopulation (north-west and center) is being recorded within the rural areas of the region, comprising areas that have lost up to 30-40% of their population in the last half century and continue to lose it intensively at present (more than 1% annually). Much of the rest of the region's rural areas are also characterized

by stable depopulation, which is, however, somewhat lower in size and does not risk social degradation of local territorial communities in the medium term. Only a small number of districts adjacent to the regional capital agglomeration are demographically stable. These areas form a limited area, characterized by the preservation or even a certain growth of rural population, primarily due to migration inflows. All three designated zones are quite stable in terms of the main factors of their demographic dynamics (natural reproduction parameters; directions and scale of migration activity). Therefore, the further inevitable depopulation of the region's rural areas will be combined with the growing demographic polarization of the region's space, the concentration of rural population in a small number of southern areas and the gradual socio-demographic desertification of the remaining subregions.

Keywords: Volgograd region, rural territories, population, demographic dynamics, natural decline, migration activity.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the State assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2019, the project "Competitive, sustainable and balanced development of the southern macro-region: vectors of socio-economic modernization and demographic dynamics" state registration No. of the project AAAA-A19-119011190184-2.

For citation: Sushchiy S. Ya. Rural Territories of the Volgograd Region: Problems of Demographic Development (last third of the XX – early XXI cc.). The village of Russia. 2019; (2): 5-28. DOI 10.22162/2658-5987-2019-2-5-28.

Введение

В современном мире численность населения, форма и плотность системы его расселения, показатели естественного воспроизводства и миграционной динамики относятся к числу центральных факторов социально-экономического развития территориального социума, определяя общий его динамизм и уровень инвестиционной привлекательности [Атлас 2009; Антонов, Борисов 2006; Стратегия 2017].

Демографическая динамика Волгоградской области в постсоветский период как одного из крупных российских регионов (19-е место в демографическом рейтинге субъектов Федерации) привлекала внимание ряда исследователей, анализировавших различные ее аспекты [Атоян, Лобанова 2011: 339–366; Деточенко, Лобанова 2015: 50–61; Деточенко, Лобанова 2018: 190–196, Розин 2011, Сергиенко 2011: 62–71; Суций 2016: 41–56].

Однако проблемы современной демографии данного региона уходят корнями в 1960–1980-е гг., предполагают диахронный анализ, охватывающий минимум полвека. Тем более это существенно для сельских территорий области, многие из которых начали терять население уже в последние десятилетия советского периода.

Целью исследования явились изучение геодемографической динамики населения сельских районов Волгоградской области, фиксация территорий и ареалов глубокой депопуляции, постепенно формирующихся в качестве зон хронической социально-экономической стагнации, зонирование сельского пространства региона в зависимости от темпов и направления демографической динамики.

В качестве статистической базы исследования для советского периода использовались данные (взятые в порайонном разрезе) всесоюзных переписей, для анализа основных геодемографических трендов постсоветских десятилетий — результаты всероссийских переписей и данные текущей демографической статистики, помещенные на сайте Госкомстата РФ. При анализе статистического материала использовались рабочие методы и подходы, используемые в демографических исследованиях.

Основная часть

По уровню урбанизации своего населения Волгоградская область незначительно превосходит общероссийский показатель (77% и 74,4% соответственно). Однако в пределах юга России (ЮФУ и СКФУ) она является наиболее «городским» регионом. При этом почти половина ее населения сосредоточена в столичной агломерации (Волгоград – Волжский).

Система расселения Волгоградской области исторически формировалась в очевидной корреляции с гидрографией региона прежде всего с двумя его крупнейшими реками — Волгой и Доном, к которым приурочены все крупнейшие областные центры, а также пояс сельских территорий с повышенной плотностью населения (10–20 чел/кв. км). Вместе с тем в пределах области существуют достаточно обширные сельские ареалы, плотность населения в кото-

рых не превышает 2–5 чел./кв.км. В первую очередь, это засушливое волжское левобережье. Но и в других частях региона, удаленных от рек, сельская система расселения оказывается более разреженной.

На протяжении всего послевоенного периода сельские территории области являлись основным демографическим донором процесса региональной урбанизации. Как результат, если за 1959–1989 гг. численность горожан в области выросла почти в два раза (с 1009 тыс. до 1994 тыс. чел.), то сельское население сократилось на четверть (с 846 тыс. до 637 тыс. чел.) (табл. 1). Тем самым миграционный отток в города заметно превосходил естественный прирост, сохранившийся у областных поселян вплоть до начала 1990-х гг.

Таблица 1. Динамика сельского населения Волгоградской области, 1959–2017 гг.

Показатели	1959	1970	1979	1990	2000	2010	2017
Численность, тыс. чел.	846,0	800,5	712,3	636,7	685,7	641,3	579,8
Доля в населении, %	45,6	34,5	28,7	24,2	25,1	24,6	23,0

Источник: составлено по: [Население 1988: 275; Регионы 2018: 43].

Существенно и то, что демографическая депопуляция сельских территорий области началась задолго до социодемографического кризиса первого постсоветского десятилетия.

В 1960-е гг. сельское население региона сократилось на 46 тыс. чел. А существовавший в это время естественный прирост населения должен был увеличить количество местных поселян на 95–105 тыс. чел. Это значит, что реальные миграционные потери сельской местности области составили порядка 140–150 тыс. чел. Практически на том же уровне сохранились они и в 1970-е гг. Естественный прирост сельских территорий, составлявший 45–55 тыс., был полностью «съеден» оттоком, а общая численность поселян сократилась на 88 тыс. (т.е. общие потери составили 133–143 тыс. чел.).

Самой широкой в этот период была и география сельской депопуляции. Причем значительная часть сельских административных районов области в 1970-е гг. ежегодно теряла 1–1,5% своего населения. Только сельские окрестности региональной столицы и

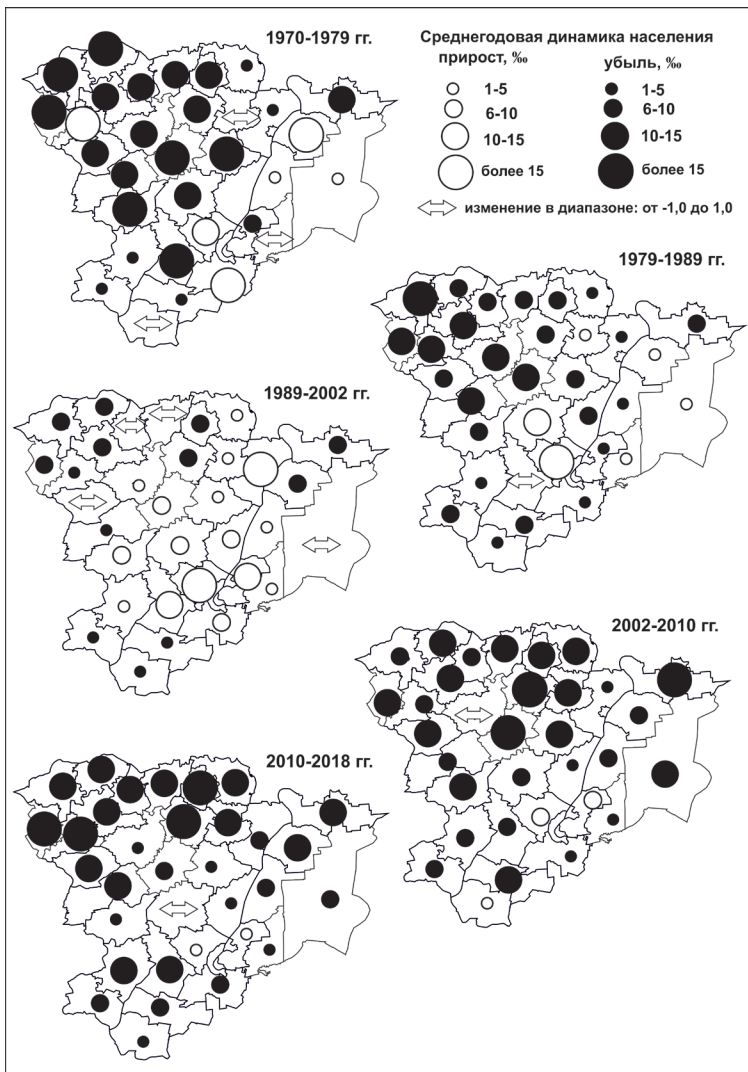

Рис. 1. Демографическая динамика населения сельских районов Волгоградской области по десятилетиям, 1970–2018 гг. (‰)

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований; Всесоюзная перепись населения 1970 г.; Всесоюзная перепись населения 1979 г.; Всесоюзная перепись населения 1989 г.; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.].

восточные районы, в национальной структуре которых значительное место принадлежало казахской диаспоре, продолжали демонстрировать рост населения (рис. 1).

В 1980-е гг. масштабы сельской депопуляции области несколько сокращаются. Однако по-прежнему (с учетом потерянного естественного прироста) превышают 100 тыс. чел., а зона демографической депопуляции продолжает охватывать большую часть территории региона. При этом число административных районов, характеризующихся интенсивной убылью населения (более 1% в год), заметно сократилось. Если в 1970-е гг. таковых в области было 17, то в последнее советское десятилетие — только 6.

Свою роль играли демографические тренды, набиравшие силу во второй половине 1980-х гг., но в полной мере проявившие себя уже в постсоветский период. Системный кризис и последующий распад Советского Союза обернулись резким обострением межнациональных отношений, быстрым падением уровня жизни населения и, как следствие, резкой активизацией миграционных процессов. Уже в конце 1980-х гг. Волгоградская область начинает во все возрастающих масштабах принимать мигрантов и вынужденных переселенцев из множественных «горячих» точек страны. Часть этой миграционной волны оседала в сельской местности, отчасти компенсируя отток старожильческого населения в городские центры.

Однако в полной мере данное миграционное пополнение отразилось на демографической динамике сельских районов области в 1990-е гг. Динамическая кривая миграционного сальдо Волгоградской области в первое постсоветское десятилетие имела форму, типичную для «русских» регионов Юга России. Пик переселенческой активности приходится на первую половину 1990-х гг. Только в 1992–1994 гг. население области пополнилось на 88 тыс. человек. В середине 1990-х гг. приток сокращается самым существенным образом, а к рубежу веков выходит на нулевую отметку, чтобы затем уйти в отрицательную зону. Но многочисленные мигранты начала 1990-х гг. сумели существенно пополнить территориальные сообщества большинства сельских районов области.

Но не меньшее значение для демографической динамики сельских территорий играла смена вектора внутренней миграции. Город-

ская система региона, на протяжении многих десятилетий «вытягивавшая» областных поселян молодого и среднего возраста (учебная и трудовая миграция), в годы глубокого социально-экономического кризиса утратила свою привлекательность. Более того для части горожан в 1990-е гг. именно переезд в сельскую местность (ближе «к земле») позволил решить проблему физического выживания.

Впервые в послевоенный период доля сельского населения в области пошла вверх (как и общая его численность). По итогам всего десятилетия удельный прирост оказался весьма незначительным (менее процента — с 24,2% до 25,1%). И тем не менее десятки тысяч горожан на время снова стали сельскими жителями. Общая численность последних в 1990-е гг. в области выросла почти на 50 тыс. чел. Притом, что именно данный период становится временем стремительного ухудшения естественно-воспроизводственных характеристик сельского населения. К началу XXI в. естественная убыль во многих районах области поднялась до 4–5% и продолжала увеличиваться.

Но, несмотря на это, большинство сельских территориальных сообществ продемонстрировало в 1990-е гг. демографический рост (он был зафиксирован в 19 из 33 административных районов), оказавшийся наиболее значительным в окрестностях столичной агломерации. Что не удивительно, поскольку данные территории, максимально приближенные к региональному эпицентру социально-экономической деятельности и при этом более доступные по ценам на недвижимость, являлись наиболее притягательными как для внешних мигрантов, так и самих горожан, переживавших «на земле» постсоветский кризис.

Как результат, возникшая еще в 1960-е гг. и просуществовавшая более четверти века обширная зона устойчивой сельской депопуляции в первое постсоветское десятилетие почти полностью «рассосалась». Впрочем, уже начало XXI в. реанимировало демографо-миграционные тренды, характерные для последних советских десятилетий.

Комплексная стабилизация России, южного макрорегиона и области в 2000-е гг. остановила переток местных горожан в сельскую местность. А уже в середине данного десятилетия вновь по-

шла в рост миграция сельского населения. Но основные демографические потери сельского населения в первом десятилетии XXI в. были связаны с естественной убылью. За период 2000–2010 гг. число селян в области сократилось более чем на 44 тыс. чел., из которых на миграцию пришлось не более 8–12 тысяч.

К середине 2000-х гг. ежегодная естественная убыль во многих районах области (прежде всего в ее «русском» этнокультурном поясе, занимающем весь север и центр региона) достигла 7–8%. И обширная зона демографической депопуляции полностью вернула, а потом и территориально превзошла свои «советские» размеры — 29 районов из 33 в «нулевые» годы теряли население. Причем в трех из них среднегодовые размеры депопуляции превышали 1,5% от общей численности населения, еще в 12 составляли 1–1,5%.

Активизация демографической политики федерального центра во второй половине 2000-х гг. и комплекс мер, направленных на повышение рождаемости, сыграли положительную роль в естественной динамике сельского населения области. Рождаемость по отдельным районам выросла на 2–3‰; на 1,5–2‰ сократилась смертность. В начале 2010-х гг. его ежегодная естественная убыль сократилась до 1,4–1,5 тыс. чел., достигнув минимального уровня за весь постсоветский период (таблица 2).

Таблица 2. *Естественная динамика населения сельских территорий Волгоградской области, 2010–2017 гг.*

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Рождаемость	13028	12861	13339	12899	12548	11501	10866	9740
Смертность	15796	15226	14728	14359	14521	14451	13876	13397
Убыль	-2768	-2365	-1389	-1460	-1973	-2950	-3010	-3657

Источник: составлено по: [База данных муниципальных образований].

Однако параллельно существенно ускорился миграционный отток поселян. Если в середине 2000-х гг. на миграцию приходилось только 15–20% демографических потерь сельского населения

области, то в 2012–2013 гг. данный показатель поднялся до 85%, а общий их размер вырос до 9,2–9,5 тыс. в год. Во второй половине текущего десятилетия соотношение двух факторов демографической убыли вновь изменяется. В активный детородный возраст начали входить малочисленные уроженцы 1990-х гг. И количество потенциальных «мам» у поселян области стало уменьшаться. А следом начала сокращаться и рождаемость, «потянув» за собой коэффициент естественного воспроизводства. За четыре года (2013–2017 гг.) естественная убыль сельского населения выросла с 1,4 до 3,6 тыс. чел. И хотя параллельно в эти годы ощутимо сократился отток, общие ежегодные демографические потери сохранялись на уровне 8–8,5 тыс. чел., составив в целом за 2011–2017 гг. около 60 тыс. чел. (таблица 3).

Таблица 3. *Динамика сельского населения
Волгоградской области, 2010–2017 гг.*

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Число, чел.</i>								
Естественный прирост	-2768	-2365	-1389	-1460	-1973	-2950	-3010	-3657
Миграция	-4780	-5725	-7843	-8087	-6536	-4742	-5547	-5228
Всего	-7548	-8090	-9232	-9547	-8509	-7692	-8557	-8885
<i>Удельный вес, %</i>								
Естественный прирост	36,7	29,2	15,0	15,3	23,2	38,4	35,2	41,2
Миграция	63,3	70,8	85,0	84,7	76,8	61,6	64,8	58,8

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований].

Таким образом, по сравнению с первым десятилетием века выросли как темпы, так и общие масштабы убыли сельского населения области (если в 2000-е гг. они в среднегодовом исчислении составляли 4,4 тыс. чел. или 0,65% от общей численности поселян, то в 2010-е гг. выросли соответственно до 7,5 тыс. или 1,2%).

В пространственном отношении данная убыль, как и ранее, оставалась практически повсеместной — зона демографической депо-

пуляции включала всю территорию области, за исключением сельских окрестностей столичной агломерации области. Причем ареал интенсивного сокращения сельского населения стал еще шире: число административных районов, ежегодно терявших более 1% своих жителей, выросло с 15 в 2000-е гг. до 18 в текущем десятилетии.

Итак, за последние 60 лет сельская местность региона потеряла почти треть своего демографического потенциала, общие размеры которого за период 1959–2017 гг. сократились с 846 тыс. до 580 тыс. чел. Причем для значительной части сельских территорий депопуляция является устойчивой тенденцией, проявляющей себя уже несколько десятилетий. В 9 районах области период непрерывного сокращения численности населения продолжается

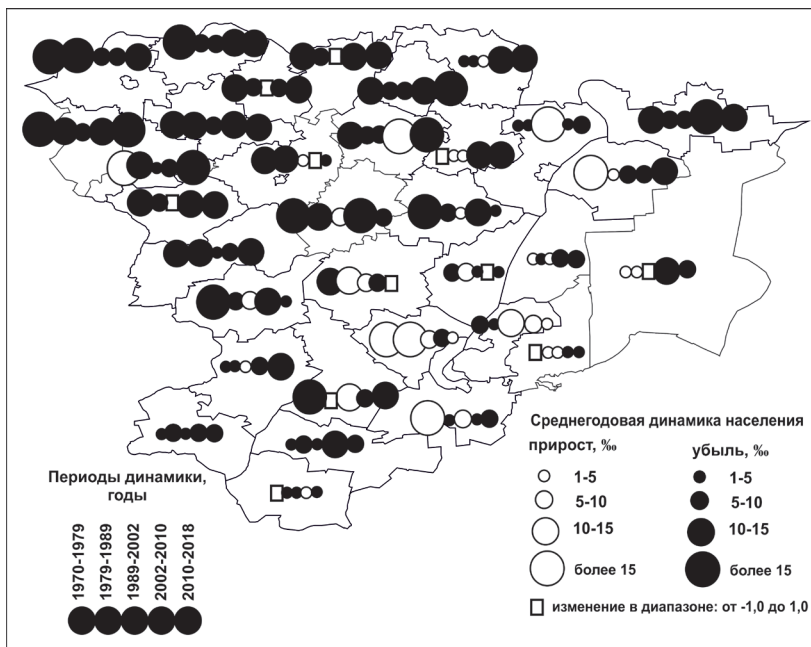

Рис. 2. Динамика населения сельских районов Волгоградской области, 1970-2018 гг.

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований; Всесоюзная перепись населения 1970 г.; Всесоюзная перепись населения 1979 г.; Всесоюзная перепись населения 1989 г.; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.].

уже минимум полвека, еще в 6 он только однажды прерывался за последние 50 лет.

В результате за последние 48 лет (1970–2018 гг.) Нехаевский район потерял половину своего населения, еще пять (Урюпинский, Даниловский, Дубовской, Старополтавский, Новоаннинский) — 42–44%, три района — 39–39,5%. В семи районах демографические потери составили 30–40%. В целом из 33 административных районов области 17 (более половины) за указанный период утратили более 25% своего демографического потенциала, а рост продемонстрировали только четыре района, составлявшие сельские окрестности областной столицы (рис. 2). Зона глубокой депопуляции захватывает весь северо-запад области. Именно здесь сосредоточено 5 из 9 районов, потерявших за последние полвека 39–50% своего населения.

Обнаруживаются два центральных параметра, в значительной степени определяющих не только направление демографических и миграционных процессов, но и задающих масштабы депопуляции:

– доля русского населения;

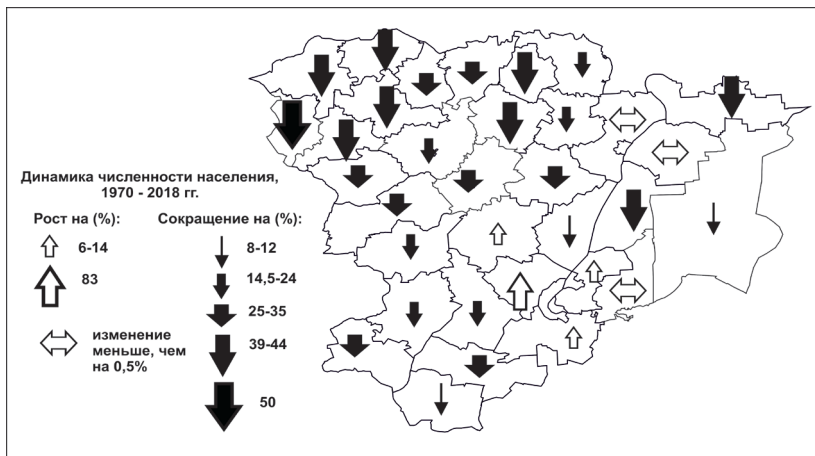

Рис. 3. Изменение численности населения городов и районов Волгоградской области, 1970–2018 гг. (%)

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований; Всесоюзная перепись населения 1970 г.; Всесоюзная перепись населения 1979 г.; Всесоюзная перепись населения 1989 г.; Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всероссийская перепись населения 2010 г.].

– уровень социально-экономической центральности/периферийности данных территорий.

Сочетание повышенной доли русских в структуре местного населения и периферийное положение данной территории в социально-экономической системе региона предопределяло максимальные темпы демографической убыли. И потому именно северо-запад, а также часть центра области — территории ее русского этнокультурного пояса (в пределах которого доля русских в структуре населения составляла 88–94%), при этом наиболее удаленные от столичной агломерации, на протяжении последних 50–60 лет являлись зоной максимальных демографических потерь (рис. 3).

Значительное число районов устойчивого (и при этом интенсивного) демографического сжатия иллюстрирует масштаб проблемы, стоящей в настоящее время перед регионом. Тем более что столь значительные количественные потери неизбежно сопровождаются ощутимой убылью интегрального человеческого потенциала депопуляционных территориальных сообществ (нарастающей разбалансировкой гендерной и возрастной структуры населения, сокращением в его составе доли трудоактивных возрастов и квалифицированных кадров). Пролонгация подобного депопуляционного сценария еще на 15–25 лет способна превратить данные, уже хронически депрессивные в своем большинстве, районы в зоны глубокой социальной деградации. Иными словами, именно демографический фактор может стать центральным препятствием на пути устойчивого социально-экономического развития значительной части сельских районов области, в среднесрочной перспективе способных окончательно утратить свою инвестиционную привлекательность.

В настоящее время подобный «деградационный» сценарий в той или иной степени реализуется в 12–15 районах области. В большинстве районов именно миграция в 2010-е гг. играла центральную роль в депопуляции местного населения. В общей сложности на нее пришлось более 71% демографических потерь сельских территорий региона в 2010–2017 гг. В 28 районах именно отток являлся основным фактором убыли населения, и только в двух районах области миграционное сальдо в текущем десятилетии было положительным (рис. 4).

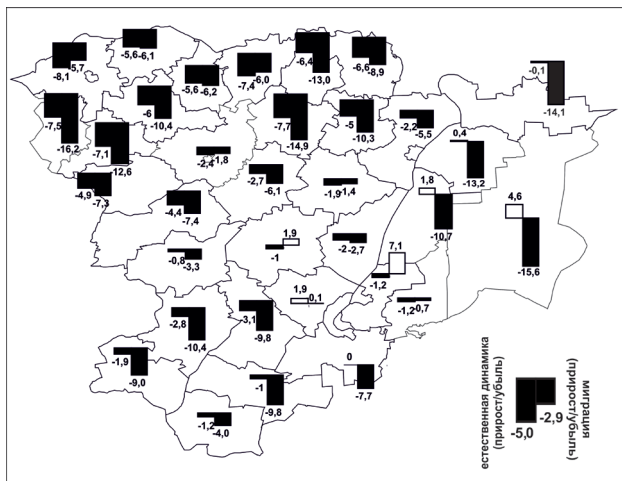

Рис. 4. Среднегодовые показатели естественной динамики и миграции населения по районам Волгоградской области, 2011–2017 гг. (%)

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований].

При этом миграционная динамика в большинстве сельских территориальных сообществ имела сложную структуру. Практически все демографические потери были связаны с внутрироссийской компонентой миграционной динамики, ее внутриобластной и межрегиональной компонентами. 29 районов в 2010-е гг. теряли население в результате оттока в другие центры (территории) области. Самая значительная часть этой убыли приходилась на переезд в города и прежде всего в пределы городской агломерации, включавшей, помимо Волгограда и Волжского, сопредельные сельские территории. В результате три из четырех районов (Городищенский, Среднеахтубинский, Иловлинский), продемонстрировавших в 2011–2017 гг. прирост населения за счет внутриобластной миграции, располагались в непосредственной близости от столицы.

Масштабы внутреннего оттока были значительны на половине сельской территории региона — в четырех районах его среднегодовые размеры составляли в 2010-е гг. 0,9–1% от численности населения, в 11 — 0,55–0,85%. Большая часть таких районов располагалась на востоке и севере области (рис. 5).

Еще более депопуляционный характер в настоящее время носит межрегиональная миграция, в результате которой теряли свое население в 2011–2017-е гг. все 33 района области. Причем в четырех из них эти потери были весьма чувствительными (0,7–0,95%

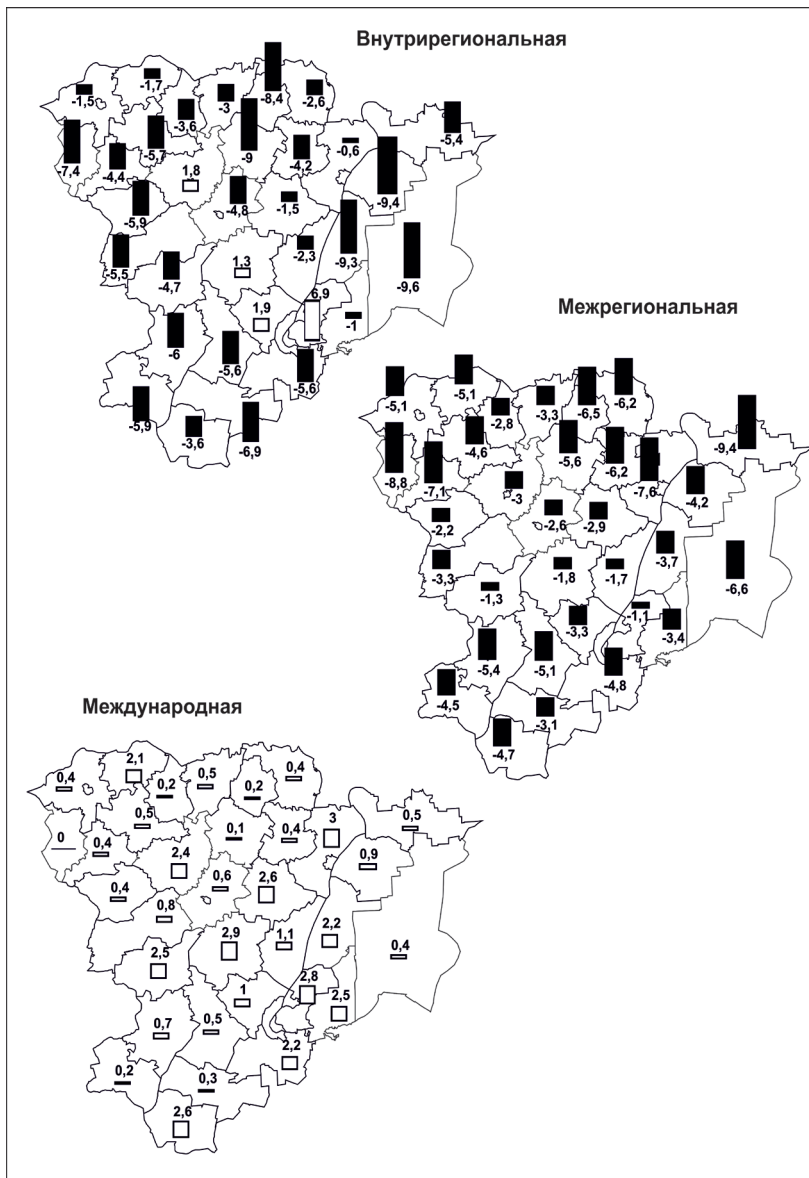

Рис. 5. Направления миграции населения сельских районов Волгоградской области, 2012–2017 гг. (среднегодовое сальдо, ‰)

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований]..

демографического потенциала ежегодно), еще в 9 они превышали 0,5%. Большинство таких районов концентрировалось на севере области, максимально удаленном от ее столицы. И заметно ближе расположенный административный центр сопредельного региона — Саратов — притягивал глубокую социально-экономическую периферию Волгоградской области с преобладающей силой.

В отличие от двух внутрироссийских форм миграционной активности результирующая международной миграции была для сельской местности области однозначно положительной. Приток внешних мигрантов фиксировался в 33 районах, в одном (Нехаевском) районе сальдо международной миграции в текущем десятилетии было нулевым.

Однако масштабы притока внешних мигрантов были весьма незначительными, составляя в Камышинском районе 0,3% (в среднем за год от общей численности населения), еще в 9 районах — 0,2–0,29%, а во всех остальных — менее 0,11%. Данного ограниченного пополнения было абсолютно недостаточно для полного или значительного покрытия двух внутрироссийских форм миграционного оттока (размеры положительного сальдо миграционной миграции составляли порядка 12–17% от их итоговой суммы в 2010-е гг.) (таблица 4).

Таблица 4. *Формы миграционной активности сельского населения Волгоградской области, 2012–2017 гг. (сальдо миграции)*

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Число, чел.						
внутрирегиональная	-2936	-3558	-3586	-3166	-3752	-3025
межрегиональная	-6125	-5613	-4294	-3356	-2821	-2855
международная	1218	1084	1344	1780	1026	652
Всего	-7843	-8087	-6536	-4742	-5547	-5228
Удельный вес, %						
внутрирегиональная	32,4	38,8	45,5	48,5	57,1	51,4
межрегиональная	67,6	61,2	54,5	51,5	42,9	48,6

Источник: рассчитано по: [База данных муниципальных образований].

Итак, естественные и механические потери населения, накладываясь друг на друга, определяют устойчивую убыль демографического потенциала сельских территорий области, потерявшего только в 2010–2017 гг. более 60 тыс. чел. Очевидно, что речь идет об устойчивой тенденции, переломить которую государственные программы поддержки рождаемости и сокращения смертности не в состоянии. Тем более что сокращение массива репродуктивно активных женщин в области будет продолжаться до начала 2030-х гг., что неизбежно приведет к дальнейшему росту масштабов естественной убыли, которая уже в ближайшие годы может себе вернуть роль центрального фактора депопуляции.

Но и миграционные перспективы сельских территорий области не дают поводов для оптимизма, учитывая хронический характер оттока на значительной части ее территории, теряющей свое население уже на протяжении многих десятилетий. В результате сопряженной работы миграции и естественной убыли в пределах региона обнаруживается значительный ряд районов, демографический потенциал которых уже в течение 20–30 (и более) лет ежегодно сокращается на 1–1,5%.

Предельно устойчивый характер данного негативного тренда существенно увеличивает вероятность реализации пессимистического сценария демографической динамики на данных территориях. Даже при двукратном сокращении существующих в 2010-е гг. масштабов оттока миграционные потери 13 районов области в ближайшие 20 лет (среднесрочная перспектива) могут составить 10–15% от их демографического потенциала, 5 районов могут потерять 7–10% жителей. При этом возросшая естественная убыль при разных сценариях динамики за период 2018–2040 гг. приведет к потере 10–20% населения на значительной части сельской территории региона. Тем самым общие демографические потери некоторых административных районов могут составить до 2040 гг. порядка 20–35% наличного населения.

В целом, по наиболее вероятным сценариям среднесрочной демографической динамики, в пределах Волгоградской области может быть выделено три крупных ареала.

Зона максимальной депопуляции — северо-западные, ряд северных и центральных районов (рис. 6). Данные территории имеют

максимальную долю русских в структуре населения и относятся к социально-экономической периферии, удаленной от зон опережающего развития области. И потому уже длительный период теряют население как вследствие естественной убыли, так и в результате интенсивного оттока. Эти же параметры предопределяет сохранение высоких темпов демографических потерь и в будущем. При этом опережающее сокращение численности населения будет сопровождаться дальнейшим ухудшением его возрастных и социо-профессиональных характеристик, гендерной разбалансировкой и падением образовательного уровня.

Тем самым в пределах данной зоны сложился замкнутый цикл негативных корреляций, в котором демографический фактор жестко детерминирует экономическую стагнацию. А она, в свою очередь, негативно влияет на демографические процессы. Выход за пределы этой «петли» депрессии предельно затруднен, поскольку предполагает реализацию обширного комплекса государственных мер, поддержанных масштабным финансированием. Рассчитывать на такого рода поддержку (речь скорее должна идти о целенаправленном конструировании качественно нового социально-экономического облика территориальных сообществ) не приходится, поскольку в аналогичных системных «оптимизационных» работах нуждается огромное число депрессивных территорий во всех регионах России.

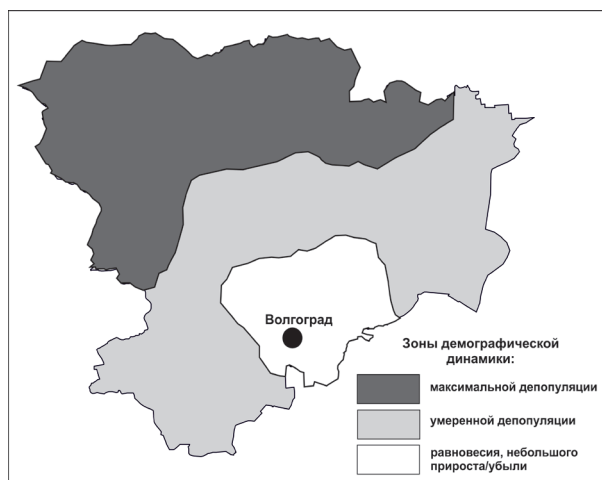

Рис. 6. Зонирование территории области по наиболее вероятным сценариям демографической динамики на среднесрочную (до 2030–2035 г.) и более отдаленную перспективу

Источник:
расчеты автора.

Зона умеренной депопуляции — ряд восточных и южных районов области, характеризующихся максимальным этническим многообразием своего населения и средними темпами миграционного оттока. Пониженная доля русских отражается на незначительных масштабах естественной убыли. А в некоторых районах данного субрегиона коэффициент естественного прироста в 2010-е гг. даже был положительным (в т.ч. в Палласовском, Дубовском районах). Удержать его в следующем десятилетии едва ли удастся, но и естественные потери населения в среднесрочной перспективе с большой вероятностью не превысят 0,1–0,15% в год.

Тем самым масштабы депопуляции будут в максимальной степени зависеть от миграционной динамики местного населения. В настоящее время восточные районы характеризуются повышенным его оттоком, составляющим в некоторых из них более 1% в год. Определенное сокращение данного показателя может позволить снизить и темпы убыли демографического потенциала, которые в любом случае не будут достигать масштабов характерных для северо-запада области.

Зона демографического равновесия и/или небольшой убыли (в отдельных случаях роста) включает Волгоградо-Волжскую агломерацию и ряд окрестных районов (юго-восток). Демографическая динамика данных территорий будет в значительной степени определяться социально-экономическими факторами — концентрацией в их пределах разнообразных производств и значительной части инвестиций, приходящих в регион; наличием густой транспортной сети и развитой социокультурной инфраструктуры. А постоянный приток в пределы столичной агломерации молодежи и населения трудоспособного возраста к тому же корректирует возрастную структуру, заметно улучшая показатели естественного воспроизводства (рост рождаемости, сокращение смертности).

Агломерация естественным образом становится и территорией повышенного этнокультурного разнообразия, что также положительно сказывается на естественной динамике ее населения. Тем более, что приток переселенцев все еще не полностью отслеживается миграционной службой, и реальные масштабы демографической «подпитки» превосходят данные официальной статистики.

И хотя основные социодемографические «бонусы» получают и продолжают получать непосредственно два ведущих города области, сельские окрестности агломерации в среднесрочной перспективе также будут демонстрировать рост своего населения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о неизбежной дальнейшей депопуляции сельского населения области, которая будет совмещаться с нарастающей социодемографической поляризацией пространства всего региона. При этом самую значительную часть Волгоградской области на всю обозримую перспективу будут занимать территории, характеризующиеся значительным масштабом демографических потерь. В 2015–2018 гг. среднегодовые темпы сокращения сельского населения составляли 1,2–1,3%. И региональным властям надо предпринимать самые серьезные усилия, чтобы этот показатель не вырос еще больше.

Между тем в разработанной в 2017 г. региональной Стратегии-2025 демография отсутствует в перечне ключевых проблем [Стратегия 2017].

Если комплексные усилия, позволяющие ограничить механические потери сельских территорий и несколько улучшить естественно-воспроизводственные характеристики местного населения, не будут предприняты, демографическая динамика может пойти по негативному сценарию, при котором многие административные районы области в ближайшие 20 лет способны потерять 20–30% и более своего демографического потенциала (по существу, это будет означать глубокую социально-экономическую деградацию местных территориальных сообществ).

Литература

Антонов, Борисов 2006 — Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Изд-во Ключ-С, 2006. 192 с.

Атаян, Лобанова 2011 — Атаян О.П., Лобанова Н.А. Национальный состав, численность, естественный прирост населения // Волгоградская область: природные условия, ресурсы, хозяйство, население, геоэкологическое состояние. Волгоград: Перемена, 2011. С. 339–366.

Атлас 2009 — Атлас демографического развития России. М.: Изд-во «Экономическое образование», 2009. 222 с.

База данных — База данных муниципальных образований. Электрон. текстовые дан. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (дата обращения: 11.01.2019).

Всесоюзная перепись 1970 — Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. Всесоюзные переписи 1970 гг. Демо-скоп Weekly. Электрон. текстовые дан. URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (дата обращения: 11.01.2019).

Всесоюзная перепись 1979 — Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов. Электрон. текстовые дан. URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (дата обращения: 08.01.2019).

Всесоюзная перепись населения 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов. Электрон. текстовые дан. URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 10.01.2019).

Всесоюзная перепись населения 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов. Электрон. текстовые дан. URL.: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 14.01.2019).

Деточенко, Лобанова 2018 — *Деточенко Л.В., Лобанова Н.А.* Демографическая ситуация в Волгоградской области на рубеже XX–XXI вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. №4. С. 190–196.

Деточенко 2015 — *Деточенко Л.В., Лобанова Н.А.* Возможности изучения населения муниципальных районов Волгоградской области (на примере Иловлинского района) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 11. Естественные науки. 2015. № 4 (14). С. 50–61.

Население России 1989 — Население России. М.: Финансы и статистика, 1989. 704 с.

Регионы России 2017 — Регионы России. Социально-экономические показатели 2017. М., 2018. ФСГС. 1410 с.

Сергиенко 2013 — *Сергиенко Л.И.* Демографическая ситуация Юга России и пути ее оптимизации: региональный аспект // Вестник Волгоградского университета. Сер. 3. Экономика, экология. 2013. № 2 (23). С. 62–71.

Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 г. URL: http://www.admvol.ru/Invest_dejet/docs/NPA/%B9%201778-%CE%С4%20%EE%F2%2021.11.%202008.pdf

Суций 2016 — *Суций С.Я.* Этнодемографический потенциал Волгоградской области — современное состояние и перспективы // Региональная экономика. Юг России. 2016. № 4. С. 41–56.

References

[All-Soviet Union census of the population of 1970. The number of urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas by gender]. Electronic text data. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (accessed: 11 January 2019). (In Russ.)

[All-Soviet Union Census of the Population of 1979. The size of the urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas]. Electronic text data. Access mode: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (accessed: 8 January 2019). (In Russ.)

[All-Soviet Union Census of the Population 1989. The size of the urban population of the RSFSR, its territorial units, urban settlements and urban areas]. Electronic text data. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (accessed: 10 January 2019). (In Russ.)

[All-Russian Population Census 2002. The number of the urban population of Russia, its territorial units, urban settlements and urban areas]. Electronic text data. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (accessed: 14 January 2019). (In Russ.)

Antonov A. I., Borisov V. A. [The Dynamics of population of Russia in the XXI century and the priorities of the demographic policy]. Moscow: Publishing House «Klyuch-S», 2006. 192 p. (In Russ.)

Atayan O.P., Lobanova N.A. [National composition, population, natural population growth]. Volgograd Region: natural conditions, resources, economy, population, geoeological state. Volgograd: “Peremena”, 2011. Pp. 339–366. (In Russ.)

[The Atlas of demographic development of Russia]. Moscow, Publishing house «Ekonomicheskoe obrazovanie», 2009. 222 p. (In Russ.)

[Database of municipalities]. Electron text data. Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (accessed: 11 January 2019). (In Russ.)

Detochenko L.V. Lobanova N.A. The demographic situation in the Volgograd region at the turn of the XX-XXI centuries. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, No. 4, Pp. 190-196. (In Russ.)

Detochenko LV. Lobanova N.A. Opportunities for studying the population of municipal districts of the Volgograd region (on the example of the Ilovinsky district)]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser 11: Estestvennye nauki [Natural Sciences]*. 2015. No. 4 (14). Pp. 50-61. (In Russ.)

[The population of Russia]. M. Finance and Statistics. 1989, 704 pp. (In Russ.)

[Regions of Russia. Socio-economic indicators 2017]. M. 2018. FSGS, 1410 pp. (In Russ.)

Sergiyenko L. I. Demographic situation of the South of Russia and ways of its optimization: the regional aspect. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser. 3. Ekonomika, ekologiya*, 2013, No. 2 (23), Pp. 62–71. (In Russ.)

[Strategy for socio-economic development of the Volgograd region till 2025].
URL: http://www.admvol.ru/Invest_dejet/docs/NPA/%B9%201778-%CE%C4%20%EE%F2%2021.11.%202008.pdf. (In Russ.)

Sushchiy S.Ya. The ethnodemographic potential of the Volgograd Oblast — Current State and Perspectives. *Regional'naya ehkonomika. Yug Rossii*. 2016. No. 4, Pp. 41-56 (In Russ.)